РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0773-2-6-18

Б.А. Ерзнкян, Р.А. Иманов, В.В. Овсиенко, А.И. Ставчиков

ДЛИННОВОЛНОВЫЙ КОНТЕКСТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Проблема соизмерения важности экономического роста и институциональных изменений рассматривается в статье через призму их отношения к логике длинноволновой динамики – последовательного чередования технологических укладов и соотносимых с ними укладами институциональными и мирохозяйственными. Обосновывается наличие каузальности между экономическим ростом и институциональными изменениями и обсуждается вопрос о ее направленности: что чему предшествует и что является причиной, а что следствием.

Ключевые слова: длинноволновая динамика, экономический рост, институциональные изменения, причинно-следственные отношения, технологические, институциональные и мирохозяйственные уклады.

JEL классификация: E11, O10, O32, O33.

ВВЕДЕНИЕ

О влиянии институциональных изменений на экономический рост можно судить по разным показателям. Таким является, в частности, индекс *Doing Business*, которым нередко пользуются экономисты во всем мире. Следует, однако, признать, что этот индекс, очень отдаленно отражающий реальную ситуацию в экономике, может ввести исследователей в заблуждение, тем более, в отношении того, насколько конкурентоспособной является та или иная экономика. И хотя привлекательность этого и ему подобных индексов вполне объяснима, так как в отличие от сложных агрегированных показателей вроде ВВП или реальных доходов населения здесь есть понятный алгоритм улучшения показателей, делать из этих показателей выводы следует с большой осторожностью.

Конкретизируем сказанное: анализируя показатели глобального индекса ведения бизнеса *Doing Business* Всемирного Банка в газете «Известия», А.Широв приходит к выводу о необходимости внесения свежей струи в спор о том, что важнее: ускорение экономического роста или институциональные реформы. По его словам, анализ отмеченных показателей для России «скорее свиідетельствует в пользу того, что сами по себе качественные институциональные изменения не могут привести к экономическому росту. Требуется что-то еще. Нужен импульс, который поможет сдвинуть инертную неповоротливую экономику с места» (Газета «Известия», 2018).

Приведенный пассаж проливает свет на существо спора – что важнее, вместе с тем за кадром остаются важнейшие вопросы – что чему предшествует и как причина (которую надо еще идентифицировать) воздействует – или, точнее, сказать – влечет за собой следствие (также подлежащее выявлению). В отношении же утверждения о неповоротливости экономики, что с неизменностью будет сказываться как на институциональных изменениях, так и степени и качестве развития экономической системы, целесообразно вспомнить о трех типах отношений между старыми и новыми институтами, известными из институционально-эволюционной теории:

- первый тип отношений, выражаемый понятием зависимости от предшествующего пути (*path dependence*), применяется для характеристики глубокой связи и сильной зависимости новых институтов от старых институтов;

- второй тип отношений (*path determinacy*) служит для передачи идеи менее сильной зависимости, которая оставляет место для возникновения качественно новых институтов;

- и, наконец, третий тип отношений, обозначаемый как *path indeterminacy* либо эквивалентным ему понятием *path independence*, знаменует собой отсутствие явной связи между старыми и новыми институтами (Норт, 1997, с. 18; Tool, 1994).

Проанализируем эти типы институциональных отношений через призму эволюции социальных порядков, происходящей под воздействием различных эндогенных и экзогенных факторов. Напомним, что социальные порядки – это модели общественной организации, структурирующие взаимодействия людей в социуме. Важно отметить, что ключевую роль в организации порядков любого типа играют институты. Именно они и способствуют – благодаря способности структурировать отношения людей и упорядочивать их организации – формированию политической, экономической, религиозной и военной власти и одновременно концентрации в руках отдельных людей контроля над ресурсами и социальными функциями, ограничивая тем самым использование с помощью формирования соответствующих стимулов (Норт и др., 2011, с. 32–33). При этом, Норт и др., говоря о динамике социальных изменений, трактуют их широко, не сводя только к изменениям научно-технического прогресса (Норт и др., 2011, с. 55). В то же время сравнение их характеристик социальных порядков с таковыми у Энтони Гидденса (2011), позволяет полнее понять особенности этих порядков. Современные общества, берущие начало в хронологии Гидденса с XVII в., характеризуются тремя отличительными признаками: 1) неимоверно возросшей скоростью изменений; 2) расширением сферы изменений, связывающих – информационно и социально – различные районы мира; 3) наличием изменений в самой природе институтов, многие из которых и вовсе отсутствовали в прежних порядках и обязаны своим появлением современности (политическая система национального государства, полная зависимость производства от неживых источников энергии, развитие товарных, включая труд, отношений и пр.).

Отличие характерных черт социальных порядков открытого доступа Гидденса от Норта и др. показывает, что у первого акцент делается на пространственно-временной специфике новых порядков, а у Норта с коллегами – на их семантических характеристиках. В определенном смысле эти описания комплементарны: они скорее дополняют друг друга, чем противоречат или не согласуются между собой (Ерзнкян, 2013, с. 16).

Имеет смысл обратить внимание на первую особенность – неимоверно возросшую скорость изменений. В самом деле, до появления капитализма в Западной Европе, в частности, в Великобритании и странах Бенилюкса (к которым сегодня относятся Бельгия, Нидерланды и Люксембург), в XVI–XVII вв., все общества менялись очень медленно. Причина в том, что экономические агенты были в основном «организованы вокруг сельского хозяйства, в котором на протяжении многих столетий использовались практически одни и те же технологии с ограниченной степенью коммерции и ремесленного производства» (Ха-Джун Чанг, 2015, с. 19). После появления новых наук, технологий и институтов темпы развития намного возросли:

- вначале «произошел культурный сдвиг в сторону более «рациональных» подходов к пониманию мира, поспособствовавший развитию современной математики и наук»;

- «XVIII век увидел появление нескольких новых технологий, которые предвещали приход механизированной системы производства, особенно в текстильной, сталелитейной и химической промышленности»;

- «новые экономические институты, приспособленные к новым реалиям капиталистического производства», оказались настолько адекватны им, что банки стали предлагать услуги по обеспечению рыночных транзакций». Вдобавок, появление «инвестиционных проектов, требующих капитала, превышающего богатство даже самых состоятельных людей, подтолкнуло к созданию **корпораций**, или компаний с ограниченной ответственностью, и, следовательно, к появлению фондового рынка» и пр. (Ха-Джун Чанг, 2015, с. 20).

Из сказанного ясно, что новые институты затронули предприятия и организации как транзакционного (банки), так и трансформационного (корпорации) сектора, иначе говоря, они охватили своим функционированием всю экономику.

В целом, как мы видим, ускоренное развитие экономики сопровождалось как технологическими, так и институциональными изменениями. То, что они – экономика, технологии, институты – взаимосвязаны, ни у кого в целом не вызывает сомнений. Но вопрос о направленности каузальности – что чему предшествует – остается по большому счету дискуссионным. Согласно (Acemoglu, 2009), возможная причина отсутствия ясности в понимании значимости институтов для экономического роста, состоящая в нехватке теоретических представлений об оперировании институциональными понятиями и трудностях измерения институционального воздействия, заключается в очень широкой трактовке институтов. К этому также добавим расплывчатость спектра

институциональных форм и проявлений, имеющих отношение к экономическим результатам (Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 22).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Прежде чем соотнести понятия экономического роста и институциональных изменений друг с другом, имеет смысл разобраться с ними по отдельности. Начнем с экономического роста и попробуем понять, можно ли любое увеличение совокупного выпуска считать за проявление экономического роста. Для этого обратимся к рассуждениям В.Г.Гребенникова, искающего ответ на поставленный вопрос через призму каузальности: экономический рост вызван действием ряда – по отдельности и / или совокупности – причин, или факторов, которые могут быть разделены на две группы:

1) факторы, не отражающиеся на эффективном производственном потенциале экономики;

2) факторы, приводящие к повышению эффективного производственного потенциала.

Такое разграничение факторов позволяет понять *raison d'être* самого понятия экономического роста, который, по словам В.Г.Гребенникова, представляет собой увеличение совокупного выпуска, вызванное причинами, одновременно обеспечивающими увеличение эффективного производственного потенциал.

Независимо от того, как определить понятие экономического роста, необходимо понять, нужен ли он или нет. Ответ на этот вопрос следует искать в пространственно-временной специфике стран, ищущих на него свой ответ. Взять, к примеру, современную Россию, экономика которой, по мнению С.Ю.Глазьева, характеризуется снижением темпов экономического роста, ВВП и производительности труда, старением производственного аппарата, отставанием в области современных промышленных технологий, низким уровнем инновационной активности, падением курса отечественной валюты и другими негативными явлениями. И что особенно важно для целей настоящей статьи, эффективные решения следует искать не только в сфере экономической политики, но и в создании «системы институтов, обеспечивающих распространение и закрепление в экономике позитивных изменений». Эти изменения должны быть направлены на развитие, в первую очередь, промышленности – системообразующего ядра российской экономики, что может «стать ключевым фактором инновационного роста экономики, оздоровления и укрепления банковской сферы, средством решения проблем эффективной занятости населения, формирования спроса на выпускников системы профессионального образования, достижений научно-технологического прогресса» (Глазьев, 2018, с. 9).

Для перелома негативных тенденций, связанных с неуклонным снижением «темпов роста объемов промышленного производства, в особенности, обрабатывающей промышленности» и ухудшением качественных показателей, к тому же обусловленных не только сдвигами в конъюнктуре мирового рынка, но и проблемами в орга-

низации промышленного производства и обращения в России, нужны радикальные меры. Реализация стратегии *инновационной реиндустриализации страны* может в обозримом будущем превратить отечественную промышленность в локомотив развития экономики, общества и государства. В роли такого локомотива промышленность способна будет стать «источником экономической мощи, сферой обеспечения занятости значительной части населения, катализатором роста интеллектуального и духовного потенциала страны» (Глазьев, 2018, с. 9).

Рост может быть большим или меньшим, ускоренным или не очень, он может быть разным. Что касается учета в моделях экономического роста потенциального влияния на него институтов, то, приходится констатировать, что в основном оно не учитывается вовсе. Более того, многие модели не только не учитывают влияния «институтов на экономический рост, но совершенно не замечают изменчивости этих институтов, и именно влияния данного фактора на темп экономического роста» (Сухарев, 2014, с. 238).

Прежде чем перейти от обсуждения экономического роста к рассмотрению институциональных изменений и выявлению их места и роли в самом росте отметим, что нельзя не согласиться с мнением О.С.Сухарева о невозможности разграничения в строгом смысле этого слова понятий роста и изменений институтов. В самом деле, «выделять институциональные изменения как отдельный фактор влияния на рост – это означает разделить сам экономический рост, поскольку он сопровождается институциональными изменениями. Не могут быть они отдельно, а рост – отдельно». Далее он добавляет: «Иное дело, в какой степени и какие изменения вносят определяющую лепту в экономический рост» (Сухарев, 2014, с. 240).

В определенном смысле получается что-то вроде дилеммы «курица или яйцо» – «рост или институты». На наш взгляд, не противоречащий приведенному мнению, в зависимости от целей исследования этот «порочный круг» может быть разорван: можно исследовать влияние институтов на рост, как и наоборот – влияние роста на институты, прекрасно осознавая их принципиальную неразрывность. В принципе можно исследовать и их взаимозависимость, в особенности, когда рассматривается динамика происходящих – в экономике и/или институтах, взятых в целом и/или по отдельности, – изменений.

Имея в виду сказанное, обратимся к институциональным факторам, влияющим на экономический рост, к которым О.С. Сухарев относит:

- 1) фонды (физический капитал);
- 2) человеческий капитал;
- 3) инновации, НИОКР;
- 4) инвестиции;
- 5) технологии различных видов и широкого применения;
- 6) условия торговли;
- 7) распределительные коалиции;

- 8) образование;
- 9) здравоохранение;
- 10) институты, включая исторические условия, право, экономическую политику;
- 11) взаимозависимость стран (Сухарев, 2014, с. 241–247).

Эти факторы могут быть дополнены или скорректированы, но важно то, что они влияют – возможно, неоднозначно, а в разное время и в разных странах и неодинаково – на экономический рост.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Институциональные изменения, ориентированные помимо прочего на модернизацию институциональной системы как таковой, суть инновационного характера процесс перестройки хозяйственного механизма функционирования экономики и социальной сферы. Модернизация старых и становление новых институтов, *регулирующих* и/или *конституирующих* хозяйственное устройство и хозяйственные связи, требует затрат времени и привлечения значительных инвестиционных ресурсов, но в долгосрочной перспективе он ведет к снижению транзакционных издержек и в целом к повышению общей эффективности социально-экономической системы (Гюрджян, Ерзнкян, 2011). Дадим пояснения по поводу регулирующих и конституирующих институтов. Воздействие первых на поведение экономических агентов выражается в их способности ограничивать возможности агентов вести себя произвольным образом. Такую роль институционального принуждения можно назвать *регулятивной* и собственно ограничительной. Второй тип институционального воздействия на экономических агентов способствует созданию для них возможностей вести себя нестандартно, по-новому, в том числе путем формирования предпосылок для преследования агентами индивидуальных или групповых целей. Такую роль, вслед за Дж. Серлем (Searle, 2005), назовем *конститутивной*, или созидательной (даже если созидание «для себя» может обернуться потерями для других) (Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014).

Важнейшим требованием, невыполнение которого затормозит инновационный процесс: развития экономики, является обеспечение *параллельного либо упреждающего создания адекватной институциональной среды*. Переустройство в таком понимании затрагивает не только хозяйствующих субъектов экономики, но всю и технологию планирования, хозяйственное право, денежную, финансовую систему, информационные потоки и пр.

Институциональный переход ныне все еще пребывает в зачаточном состоянии: вертикальная монополярная интеграция производственной и социальной сферы разрушена, а новая еще не сложилась. Попытки наладить экономическую «вертикаль власти», например, путем создания *государственных корпораций*, не дают желаемых результатов в силу противоречивости условий их существования. Необоснованные ущербные меры и невыполнимые обещания, принимаемые в социальной сфере, усугубляют ситуацию.

губляют кризис доверия к власти. Сегодняшний рынок не только не создает консолидирующие общество стратегические цели, но и порождает противоречивое отношение к общечеловеческим нормам и ценностям. В результате – разноречивость в деятельности хозяйствующих субъектов, отсутствие мотиваций индивида, неверие в достижимость провозглашаемых целей и в возможность построения научно обоснованной стратегии развития. Это характерно и в работе высших органов власти (Ерзнкян, 2012).

Исследование и анализ институтов российской экономики выявляет наличие в ней как противоречивых институтов, так и гетерогенных подходов к ним (Ерзнкян, 2017, с. 10). *Модельный подход* нацелен на выращивание, конструирование и/или заимствование институтов. Об их эффективности можно судить: 1) по гармонии или конгруэнтности созданных либо заимствованных институтов с существующим как формальным, так и неформальным институциональным полем; 2) по адекватности имеющихся механизмов принуждения к противодействию потенциальному оппортунистическому поведению. *Функциональный подход* основан на экономической теории трансакционных издержек. Его особенностью является то, что не только заимствование готовых институтов, но и выращивание или конструирование собственных институтов, призванных заполнить функционально ориентированные лакуны отечественной институциональной системы, должны быть задействованы в практике институциональных преобразований (Ерзнкян, Аветисян, 2008).

Говоря о заимствовании институтов, подчеркнем, что оно должно быть осуществлено с пониманием возможности их адаптации к институциональной системе страны-реципиента, а в дальнейшем и их развития в новой для себя системе как формальных, так и неформальных институтов. Именно это и имел в виду, говоря о корейцах Джозеф Стиглиц, хотя можно найти и иные примеры: они «оказались достаточно благоразумными, чтобы самим решать, когда нужно, а когда не нужно делать то, что советует им МВФ» (Стиглиц, 2005, с. 269). Напомним, что рекомендации Международного валютного фонда по реформированию развивающихся и переходных стран были типовыми, абсолютно не учитывающими их культурно-исторические особенности.

Чтобы избежать некритического заимствования институтов странами с иными институциональными, по преимуществу неформальными, нормами и кодексами поведения, следует содействовать конструированию институтов на национальной почве, содействующих эволюции / трансформации естественных государств, или порядков с ограниченным доступом, в направлении, ведущем к их экономическому росту и развитию (Ерзнкян, 2015, с. 117). Каким же должно быть правильно выбранное направление институциональных преобразований? Таким может быть направление, согласующееся с теорией третьего пути Д.С. Львова, разработанной в качестве альтернативы неоклассике и российским реформам и ориентированной на построение в России общества нового типа – *социальной справедливости и высокой эффективности* (Львов, 2008). Это, что касается долгосрочной перспективы; в отношении же текущей деятельности

следует ориентироваться *помимо прочего* на состояние длинноволновой динамики, которое может внести свои коррективы в дело институционального строительства.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ЧТО ЧЕМУ ПРЕДШЕСТВУЕТ?

Институциональные изменения и экономический рост являются, по всей вероятности, наиболее важными компонентами и предпосылками экономического развития. И по этому поводу в целом есть, как уже было сказано, широкое согласие. Но вопрос о каузальности – что чему предшествует, что есть причина, а что следствие: институты или развитие, – остается открытым.

Отсюда и оговорка «по всей вероятности», которая далеко не случайна, ибо существуют известные расхождения в понимании того, что чему предшествует:

- 1) динамика институтов экономическому развитию
или же
- 2) экономическое развитие институциональным изменениям.

В работе, написанной в соавторстве с Робертом Томасом, Дуглас Норт отмечал, что институты выступают в роли факторов, детерминирующих протекание в экономике процессов, в том числе роста (North, Thomas, 1973), обосновывая «свою точку зрения тем, что изменения ценовых пропорций дают толчок к созданию более эффективных институтов (Норт, 1997, с. 22). Позже Норт изменил свое мнение, отойдя от рассмотрения институтов с позиций их эффективности (1981). Говоря о том, что властные элиты, или руководители государств, «создавали систему прав собственности в своих интересах, а трансакционные издержки вели к доминированию обычно неэффективных прав собственности», не способствующих продуцированию экономического роста (Норт, 1997, с. 22), он тем самым отходил от своего раннего утверждения о каузальном характере институтов и роста. Как видно из приведенного примера эволюции взглядов Норты, первоначальная каузальность была им скорректирована.

В целом, однако, первое мнение – сначала сдвиги в институтах, а потом развитие – преобладает среди большей части теоретиков, не говоря уж о практических деятелях, второй же взгляд – сначала развитие, потом институты (приведение их в соответствие с развитой экономической системой) – хотя и не так популярен, во многих отношениях не менее убедителен. Помимо позднего Норты, вторая точка зрения довольно убедительно отстаивается в работах (Chang Ha-Joon, 2005; 2011). Развитие этой точки зрения приведено помимо прочего в работе (Ерзнкян, 2013).

В пользу второй точки зрения свидетельствует также исторический опыт развитых стран. В них именно экономическое развитие, достигнутое при имеющихся, хотя, пожалуй, и не неизменных институтах, открывало путь к модернизации институтов и формированию институциональной системы, релевантной даже не столько уже развитой, сколько стремящейся к дальнейшему развитию, а потому и нуждавшейся в дальнейшем росте экономической системе.

С учетом этого обстоятельства отметим, что взгляд на то, что высокие и устойчивые темпы экономического роста являются основным фактором повышения общего благосостояния, не является бесосновательным (Делибашич, Гргуревич, 2014).

Если исходить из влияния институтов на рост, то следует отметить и роль в этом росте экономических агентов – своего рода посредников между воздействующими на них институтами и происходящим при их участии экономическим ростом. Логическая связь между институтами и их изменениями с экономическим агентом в центре событий представлена на рис. 1.

Рис. 1. Логическая связь между институтами, их изменениями и агентами

Источник: Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 17; Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 26.

В ситуации, когда рост не является самоцелью, и об эффективности институтов и их изменений целесообразно судить с точки зрения установления режима устойчивого развития, последний выходит на первый план (модель устойчивого развития приведена на рис. 2).

В терминах стационарности / нестационарности курс на устойчивое развитие означает переход российской экономики к стационарному режиму функционирования. Особенностью стационарной экономики, напомним, является то, что макроэкономические показатели ее деятельности «относительно плавно меняются либо монотонно, либо в рамках нормальных рыночных циклов и динамика значений которых достаточно предсказуема, по крайней мере, в краткосрочной, а нередко и среднесрочной перспективе» (Лившиц, 2013, с. 92).

Из рис. 2 видно, что институты, занимая доминирующее положение в триаде «институты–знания–экономическое развитие», выступают предпосылкой (причиной) роста и шире – развития. И все же, следует особо подчеркнуть, что эта предпосылка не является безусловной, ибо развитие нельзя рассматривать без привязки или в отрыве от специфики фаз длинноволновой технико-экономической динамики, предшествующего пути развития, сложившихся и меняющихся институтов и многих других факторов социальной, культурной, организационной, политической, экономической природы, значимых для исследуемой страны.

Рис. 2. Модель устойчивого развития

Источник: Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 17; Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 26.

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМ УЧЕТ ДЛИННОВОЛНОВОГО КОНТЕКСТА?

Определение каузальности и ее вектора между экономическим ростом и институциональными изменениями является необходимым условием для выстраивания эффективной экономической политики, нацеленной на рост и шире – развитие экономики. Но этого недостаточно, если учесть сосуществование в длинноволновой динамике двух парадигм, каждой из которых соответствует своя модель поведения экономических агентов, что находит выражение в факте наслаивания в реальности первой фазы очередной революции на последнюю фазу текущей технологической революции.

Каждая такая революция, с которой связывается своя технико-экономическая парадигма, «становится результатом синергической взаимосвязанности групп отраслей с одной или более инфраструктурной сетью» (Перес, 2011, с. 36). Хотя понятия технологической революции и технико-экономической парадигмы взаимосвязаны, но они не идентичны и не сводятся друг к другу: второе понятие сложнее – для понимания, по утверждению Перес, – первого. Системное понимание развития приводит Перес к следующему определению: «технико-экономическая парадигма – это модель наилучшей деловой практики, состоящая из всеобъемлющих общих технологических и организационных принципов, которые отражают наиболее эффективный способ вовлечения определенной технологической революции в жизнь и то, как следует пользоваться революцией для оживления и модернизации экономики. Когда эти принципы

становятся общепринятыми, они определяют «здравый смысл», основу, на которой строится любая деятельность или институт» (Перес, 2011, с.40).

Итак, причина, по которой органы, ответственные за принятие решений, могут быть дезориентированы, заключается в том, что, по словам Карлоты Перес, именно «в фазе внедрения агрегированные показатели могут быть обманчивыми». Иными словами, игнорирование очередности фаз распространения волны и их специфики может ввести органы, ответственные за разработку и реализацию экономической политики, в заблуждение. Как утверждает Карлота Перес и с чем мы в принципе согласны, тенденции «изменения многих экономических переменных, таких как темпы экономического роста, производительность труда, занятость, инвестиции и прибыль, оказываются противоречивыми» (Перес, 2011, с. 124).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учет длинноволнового контекста, как, впрочем, и иных контекстов – культурно-исторического, эволюционно-институционального, технологического, мирохозяйственного (Yerznkyan, Gassner, Kara, 2017; Yerznkyan, Gassner, 2018), является непременным условием устойчивого развития трансформируемой и одновременно ориентированной на рост социально-экономической системы.

Длинноволновую динамику мы объясняли, во многом ссылаясь на Карлоту Перес и ее технико-экономическую парадигму, причина притягательности которой нам видится в гармоничном сочетании в рамках одной, но последовательно и целеустремленно развиваемой ею концепции идей из сосуществующих миров – технологий и институтов. Наличие сопричастных к экономическому развитию технологических и институциональных факторов – факт общеизвестный, и их соприкосновение, совмещение или пересечение лежит на поверхности, на что указывали многие авторы, но именно Перес органично соединила в своей концепции эти факторы и придала пониманию их единства недостающую глубину.

Особо подчеркнем важность институциональных факторов, что обусловлено их присутствием во всех фазах технологического развития, но в разных формах. Если в фазе вызревания уникальной технологии и дальнейшего ее внедрения важную роль в первую очередь играют неформальные нормы, то в последующих фазах развитие осуществляется на основе преимущественно формальных правил. Причина заключается в том, что с появлением сопровождающих технологическую диффузию трансакций, которые связаны с понятием передачи прав собственности, правовые вопросы как важнейшая составная часть формальных институтов начинают играть первостепенную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газета «Известия». 08.30.02.11.2018.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

3. Глазьев С.Ю. Предложения по развитию отечественной экономики, повышению темпов экономического роста и создания на базе ГУУ национального исследовательского университета // Львовские чтения – 2018 [Текст]: сборник статей VI Всероссийской научной конференции / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Государственный университет управления. М.: Издательский дом ГУУ, 2018. С. 9–17.
4. Гюрджян А.С., Ерзнкян Б.А. Институциональная реальность: структура и логика эволюции // Вестник Инженерной академии Армении. Т.8. № 2. 2011. С. 229–237.
5. Делибашич М., Гргуревич Н. К моделированию институционального поведения // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 6–18.
6. Ерзнкян Б.А. Экономическая теория и математическая наука vs. практика институциональных преобразований: истоки неудач и что делать? // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 27. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 6–27.
7. Ерзнкян Б.А. Институциональные проблемы системной модернизации российской экономики // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 23. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 6–27.
8. Ерзнкян Б.А. Эволюция социальных порядков и особенности поведения экономических агентов // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 26. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 6–66.
9. Ерзнкян Б.А. Эволюция социальных порядков и перспективы экономического развития // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты. Материалы X Международного Симпозиума по эволюционной экономике и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. СПб.: Алетей, 2015. С. 108–118.
10. Ерзнкян Б.А. Анализ особенностей волновой и институциональной теорий с позиций выработки единой синтетической исследовательской программы // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 40. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. С. 6–14.
11. Ерзнкян Б.А., Аветисян А.Г. Инновационное развитие в контексте институциональной регрессии парадокса Лакана // Междисциплинарный подход к перспективам организации XXI века: от экономики конкуренции к экономике партнерства. Российские регионы – центры инновационного социально-экономического развития: сб. науч. ст. и материалов Круглого стола, Иваново, 10–11 июня 2008 г. / отв. Ред. С.С. Мишуров. Иваново: Иван. гос-т, 2008.
12. Ерзнкян Б.А., Делибашич М., Гргуревич Н. Институциональное поведение: теоретические вопросы и практические проявления // Экономическая наука современной России. 2014. № 4. С. 19–30.
13. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013.
14. Львов Д.С. Миссия России [Текст]: Сборник научных трудов / под науч. ред. С.Ю. Глазьева и Б.А. Ерзнкяна. М.: ГУУ, 2008. 120 с.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
16. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
17. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 232 с.
18. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. 424 с.
19. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2014. 464 с.
20. Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
21. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. Cambridge: Princeton University Press, 2009.
22. Chang Ha-Joon. Globalization, Global Standards and the Future of East Asia // Global Economic Review. 2005. Vol. 34. No. 4. P. 363–378.

23. *Chang Ha-Joon*. Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History // *Journal of Institutional Economics*. 2011. Vol. 7. No. 4. P. 473–498.
24. *Yerznkyan B., Gassner L.* Cultural and Institutional Differences at the National and Regional Levels // *International Journal of Economics, Finance and Management Sciences*. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 133–138. DOI: 10.11648/j.ijefm.20180604.11.
25. *Yerznkyan B., Gassner L., Kara A.* Culture, Institutions, and Economic Performance // *Montenegrin Journal of Economics*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 71–80. DOI: 10.14254/1800-5845/2017.13-2.3.
26. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton, 1981.
27. *North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
28. *Searle J.R.* What Is an Institution? // *Journal of Institutional Economics*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1–22.
29. *Tool M.R.* Institutional Adjustment and Instrumental Value // *Review of International Political Economy*. 1994. Vol. 1. No. 8. P. 405–443.

Yerznkyan B.H., Imanov R.A., Ovsienko V.V., Stavchikov A.I.

LONG-WAVE CONTEXT OF ECONOMIC GROWTH AND INSTITUTIONAL CHANGES

The problem of comparing the importance of economic growth and institutional changes is considered in the paper through the prism of their relationship to the logic of long-wave dynamics – the successive alternation of technological patterns and the institutional and world-economic patterns related to them. The existence of causality between economic growth and institutional changes is substantiated and the question of its focus is discussed: what precedes what and what is the cause and what is the consequence.

Keywords: long-wave dynamics, economic growth, institutional changes, cause-effect relations, technological, institutional and world-economic structures.

JEL Classification: E11, O10, O32, O33.